

Вводные слова неуверенности
как инструмент манипулятивного воздействия
в новостных текстах

Светлана И. Переверзева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, P_Sveta@hotmail.com*

Артемий А. Котов

*Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия;
НИЦ «Курчатовский институт», Москва, Россия;
Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Россия, kotov@harpia.ru*

Аннотация. В работе анализируются языковые маркеры и механизмы семантической обработки суждений с вводными словами эпистемической модальности: *вероятно, видимо, возможно, кажется, наверное, похоже, может, может быть*. Хотя эти слова обычно выражают неуверенность адресата в истинности сообщаемого суждения, они также служат для образования тропов: литоты, мимезиса, антифразы и иронии. Благодаря такому расширению семантических функций вводные слова могут использоваться в публицистических текстах для воздействия на адресата. Анализ семантики неverified суждений, проведенный в корпусе новостных текстов, показал, что вводные слова неуверенности, сопровождающие мнение-оценку, часто используются для указания на имплицитные смыслы, формирующие негативную оценку персонажа или событий, а также как маркер несобственно-прямой речи. Таким образом, исследование механизмов понимания текста дает возможность убедиться, что вводные слова могут быть одним из инструментов манипулятивного речевого воздействия.

Ключевые слова: вводные слова неуверенности, Telegram-каналы СМИ, речевое воздействие, манипуляция, риторические фигуры

Для цитирования: Переверзева С.И., Котов А.А. Вводные слова неуверенности как инструмент манипулятивного воздействия в новостных текстах // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 3. С. 118–128. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-3-118-128

Parentheses of uncertainty as a tool of manipulation in the news

Svetlana I. Pereverzeva

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, P_Sveta@hotmail.com

Artemii A. Kotov

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;

Kurchatov Institute, Moscow, Russia;

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, kotov@harpia.ru

Abstract. The paper analyzes the linguistic markers and mechanisms of semantic processing of statements with epistemic parentheses: *veroyatno* ‘probably’, *vidimo* ‘apparently’, *vozmozhno* ‘possibly’, *kazhetsya* ‘it seems like’, *naverno* ‘probably’, *pochozhe* ‘it looks like’, *mozhet* ‘maybe’, *mozhet byt’* ‘maybe’. Generally, these items express the addressee’s uncertainty in the statement’s truth, but also they serve to form the tropes: litotes, mimesis, antiphrasis, and irony. Such an expansion of semantic functions allows to use parentheses in media to influence the addressee. An analysis of the semantics of unverifiable judgments in a corpus of news texts shows that parentheses of uncertainty accompanying a subjective opinion often indicate implicit meanings with a negative assessment of a character or events and mark non-proprietary speech. Thus, the study of the mechanisms of text comprehension proves that parentheses are one of the tools of manipulative speech influence.

Keywords: parentheses of uncertainty, Telegram media channels, speech influence, manipulation, rhetorical figures

For citation: Pereverzeva, S.I. and Kotov, A.A. (2025), “Parentheses of uncertainty as a tool of manipulation in the news”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 3, pp. 118–128, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-3-118-128

Введение

Настоящая работа продолжает исследование вводных слов с эпистемической модальностью неуверенности (*кажется, возможно, вероятно* и др., далее – вводные слова неуверенности, или ВСН) в текстах новостей [Переверзева и др. 2023; Переверзева 2024а; Переверзева 2024б]. Она посвящена языковым маркерам и механизмам семантической обработки высказываний с ВСН, которые могут сопутствовать речевой манипуляции. Материалом служит корпус новостей Telegram-каналов¹, опубликованных с октября 2022 г. по март 2023 г. двенадцатью СМИ, имеющими наибольшее влияние в современной медиасреде (по данным компании «Медialogия» на осень 2022 г.): 360tv (360), BBC News – русская служба (BBC), Лента дня (Лен), NEWS.ru (News), Russia Today (RT), ВЗГЛЯД.РУ (ВЗГ), Комсомольская правда (КП), Медуза – LIVE (Мед), Москва 24 (М24), Московский комсомо-

¹ Корпус ежедневно пополняется в автоматическом режиме; собранные тексты разбираются семантическим парсером, данные о лексике и о семантике предложений сохраняются в базу данных [Kotov et al. 2018]. Общий объем корпуса на сегодняшний день составляет ≈3,3 млн предложений и ≈7,5 млн семантических представлений клауз.

лец (МК), Радио Свобода (РСв), Царьград ТВ (Ц)². Для анализа мы выбрали ≈ 3500 предложений, содержащих ВСН. Основные задачи нашего исследования состоят в том, чтобы (а) выявить и классифицировать основные контексты использования ВСН для речевого воздействия, а также сопутствующие им языковые маркеры и механизмы (раздел 1) и (б) оценить связь между частотностью таких контекстов и стилистическими особенностями СМИ (раздел 2).

1. Основные контексты использования вводных слов неуверенности для речевого воздействия

Основная функция ВСН в новостных текстах СМИ – вводить суждения, достоверность которых редакция не может проверить, ср. *<Т>ам находятся какие-то военизированные люди с оружием, возможно, тероборона*. https://t.me/vzglyad_ru/69906. ВСН также встречаются в субъективных суждениях автора, относящихся к будущему (прогнозы) или прошлому (анализ происшедших событий и их причин), ср. *Похоже, летом Крым может тряхнуть*. https://t.me/mk_ru/246923. В обоих случаях сообщаемая информация со временем может быть полностью или частично подтверждена другими данными, поэтому подобные высказывания мы далее рассматривать не будем. Нас интересуют принципиально неверифицируемые суждения – о внутреннем мире персонажа (п. 1.1), в частности о тайных мотивах его поступков (п. 1.2) или о порочащих его привычках (п. 1.3), – а также суждения и риторические вопросы, содержащие заведомо абсурдные предпосылки (п. 1.4), поскольку именно в них часто используются лексические средства и механизмы семантического смещения, приводящие к речевому воздействию. И если в высказываниях типа 1.1–1.3 автор текста прямо говорит с читателем от своего лица, то в высказываниях типа 1.4 представлены суждения, приписываемые персонажу текста.

1.1. Суждения автора о внутреннем мире персонажа

К данному классу относятся контексты, в которых автор сообщает читателям о намерениях, мыслях или чувствах персонажа, которые характеризуют его негативно:

(1) *Киев, похоже, не теряет надежды развязать Третью мировую войну*. (МК, https://t.me/mk_ru/19367)

(2) *Единственное, наверное, на что этому человеку <Валерию Меладзе> не наплевать – на свой кошелек*. (360, <https://t.me/tv360/103616>)

(3) *В России чиновники, кажется, стремятся переиграть друг друга в «совершенствовании» правой системы*. (BBC, <https://t.me/bbcussian/41321>)

Подобные высказывания заведомо субъективны и недостоверны, а потому могут использоваться для создания «правильного» образа персонажа (как правило, «плохого чужого»); использование в них ВСН позволяет автору не только приписать герою дискредитирующие его суждения и намерения, но и оградить

² В скобках приводится сокращенное название канала, которым мы будем пользоваться далее. Канал «Медуза – LIVE» признан в РФ иноагентом.

³ Подробнее об этом см. в работе [Переверзева 2024a].

себя от обвинений во лжи⁴. Их языковыми маркерами служат предикаты, чьи семантические представления содержат компоненты 'X хочет сделать P' (*хотеть, стремиться* и др.), 'X знает P / думает, что P' (*думать, забыть, поверить, понять* и др.), 'X чувствует P' (*стесняться, стыдиться, расстраиваться* и др.). Кроме того, в таких контекстах действуют механизмы семантического смещения – например, ирония (*переиграть, не теряет надежды*) и преувеличение (*единственное, на что не наплевать*). Все это позволяет отнести ситуации данного типа к речевой манипуляции.

1.2. Суждения автора о тайных мотивах персонажа

В ряде контекстов автор реконструирует «подлинные» причины поступков персонажей текстов – политиков или героев новостей. Этот прием был условно назван нами ранее, вслед за С.И. Поварниным, «чтение в сердцах» [Переверзева и др. 2023, с. 178]. Суть его в том, что «софист не столько разбирает ваши слова, сколько те тайные мотивы, которые заставили вас их высказывать» [Поварнин 1990, с. 99]. Часто герой, по мнению автора, делает нечто из-за плохого финансового состояния (4) или из корыстных намерений (5):

(4) *Дела у Илюши, видимо, совсем плохи, раз он решил хайпануть и подзаработать на лайках и просмотрах, покатавшись в православное Рождество на скейте в форме креста.* (Ц, <https://t.me/tsargradtv/33518>)

(5) *...В Еврокомиссии заявили, что никогда не рассматривали возможность запрета на импорт российского газа в Евросоюз. <...> Это<,> **наверное**<,> о<тпт>ого, что зима совсем близко.* (360, <https://t.me/tv360/99951>)

Другой частый тип «подлинных» мотивов – это слабость персонажа, чьи действия и призывы автор представляет как попытку предпринять какие-либо меры при нехватке ресурсов:

(6) *А еще Кая сказала, что европейская оборонная промышленность должна ускориться и производить все, что можно, и побольше! Сама Эстония, **видимо**, ускориться тоже не может, эстоонцы тааакие медлительные, ну, вы знаете!* (Ц, <https://t.me/tsargradtv/36202>)

Как видно из приведенных примеров, возможность «реконструировать» мотив персонажа потенциально связана с манипулятивным воздействием. Автор свободен в том, чтобы приписать герою текста низменные и корыстные мотивы. Языковыми маркерами таких высказываний могут быть причинные и целевые союзы *потому что* и *чтобы* (ср. *Обозреватель американского издания 19Fortyfive Блейк Стилуэлл, **видимо, чтобы** отработать свой гонорар, заявил, что у России есть боевые дельфины* {360, <https://t.me/tv360/96555>}), ср. также союз *раз* (4) и *оттого, что* (5); в тех же случаях, когда они опускаются (6), читатель сам реконструирует

⁴ Отметим, впрочем, что существует противоположная стратегия: автор реконструирует ситуации, в которых находится читатель, и устанавливает с ним общий фон, что является одной из стратегий позитивной вежливости [Brown, Levinson 1987, p. 103]), ср. ...<И>грстное положительно влияет на мозг и центральную нервную систему (если не злоупотреблять, конечно). Кажется, вы знаете, что делать. (Лен, <https://t.me/lentadnya/66101>)

причинно-следственную связь, и действует механизм понимания, связывающий цель героя и планируемые им действия (в примере (6) – желание Эстонии переложить ответственность на другие страны Европы), ср. модель персональных сценариев в [Котов 2021, с. 67–69].

1.3. Суждения автора о предосудительных наклонностях персонажа

Автор текста оформляет с помощью ВСН предположение о неадекватной приверженности персонажа-антагониста некоторой нелепой или социально осуждаемой деятельности:

(7) *Госпожа Паттен длинными темными ногами при свете фонарика перечитывает, **видимо**, старые методички ООН)* (Ц, <https://t.me/tsargradtv/26529>)

(8) ***Видимо**<, > теперь это главное ее занятие, ездить и клячтить.* (Ц, <https://t.me/tsargradtv/31833>)

(9) *..**Видимо**, тамошний аппарат слишком много свободного времени имеет, что-бы бегать по пабликам и выискивать, на что можно еще обидеться.* (RT, https://t.me/rt_russian/136423)

Языковые маркеры, используемые в этих примерах, указывают на продолжительный, многократный или приоритетный характер описываемого занятия. Это приставки и суффиксы (*перечитывает, выискивать*), сочиненные глагольные группы (*ездить и клячтить*) и прилагательные (*длинными ногами, главное занятие*), что подчеркивает субъективность и неадекватность героя. Пример (9) также осложнен *анти-фразом* – риторическим приемом, создающим иронию (автор намекает читателю, что при нехватке времени персонажу следовало бы заниматься более важными делами).

1.4. Суждения персонажа: абсурдные риторические вопросы и абсурдные утверждения

Рассмотрим примеры, в которых автор текста вводит с помощью ВСН риторический вопрос (10)–(11) или утверждение, дискредитирующее персонажа (12)–(13).

(10) *А если западный обыватель начинает сомневаться и задавать неудобные вопросы, его тут же приравнивают к пособникам нацистов: **Может**, и в Освенциме ничего не было, а? **Может**, у тебя и Гитлер ничего плохого не сделал, а?!»⁵* (RT, https://t.me/rt_russian/130895)

(11) *...А почему это, собственно, вы <«поухавшие артисты»> за мир, если прямо поддерживаете одну из сторон конфликта?.. **Может**, украинская артиллерия никого не обстреливает? **Может**, они пленных не казнят?* (RT, https://t.me/rt_russian/143496)

⁵ Еще один используемый в данном примере прием аргументации – упоминание Гитлера – получил в литературе название *Reductio ad Hitlerum*; примеры использования этого приема см. в Р. Трнавац «Взаимодействие персуазивных и прагматических стратегий в фейковых новостях в англоязычных социальных сетях, новостях и блогах (пилотное исследование)», а также в статье Ю.М. Разумовской и Л.В. Бабиной «Прецедентные имена как средство реализации дискурсивной стратегии манипулирования в русском и французском медиадискурсе» в настоящем номере.

(12) *А сейчас поляки... заявляют, что никакого освобождения и не было вовсе. Видимо, немцы ушли сами.* (360, <https://t.me/tv360/97329>)

(13) *В Киеве переименовали Северо-Сырецкую улицу в улицу Виктора Некрасова. Потому что, видимо, Север – это плохо, там живут северо-сырецкие орки.* (RT, https://t.me/rt_russian/136290)

Для абсурдных риторических вопросов наиболее характерно употребление ВСН *может (быть)* и *возможно* вместе с отрицанием; для абсурдных утверждений – ВСН *видимо* [Переверзева 2024б]. Что касается семантических смещений, способствующих речевому воздействию, или риторических фигур, то в подобных случаях их можно выделить сразу несколько.

Прежде всего в обоих типах высказываний представлен **антифраз**: читатель понимает, что в силу абсурдности посылки сам автор вряд ли считает ее истинной, ср.: *Гитлер ничего плохого не сделал* в (10) и *на Севере живут северо-сырецкие орки* в (13); таким образом, эксплуатируется постулат категории качества [Грайс 1985] и реконструируется подлинная, имплицитно выраженная авторская позиция, противоположная по смыслу тому, что было сказано. Кроме того, в риторических вопросах часто используется **гипербола**: суждение с отрицанием представлено как развитие мысли антагониста, доведенное до крайности, ср.: *ничего, никого* в (10) и (11). Что касается абсурдных утверждений, то для них характерен **мимезис** (несобственно-прямая речь), возникающий благодаря антифразу: читатель догадывается, что данное абсурдное высказывание следует приписать не автору текста, а герою – ‘поляки думают, что немцы ушли сами’ в (12); ‘в Киеве думают, что на Севере живут северо-сырецкие орки’ в (13). В абсурдных утверждениях также встречается **литота**: безусловно считая вводимое суждение истинным и даже подчеркивая его определенность (‘поляки убеждены, что никакого освобождения не было’; ‘в Киеве считают, что любое упоминание Севера – это плохо’), авторы используют слово *видимо*, обычно обозначающее неуверенность. Согласно Е.Э. Разлоговой, «наличие модального слова с нормальным значением Неуверенности, призванного смягчить высказывание, создает на самом деле эффект “волка в овечьей шкуре”: говорящий передразнивает рассуждения собеседника (или третьего лица)» [Разлогова 2005].

2. Связь между манипулятивным использованием вводных слов неуверенности и стилистическими особенностями СМИ

2.1. Классификация новостных каналов

В статье [Котов, Переверзева 2024, с. 46] исследуемые источники подразделялись на федеральные (поддерживающие государственную политику и доступные для граждан РФ) и заблокированные (основной сайт которых заблокирован в РФ из-за нарушения законодательства или проведения оппозиционной политики), то есть по признаку политической лояльности. В более ранней статье [Переверзева и др. 2023, с. 163–164] те же источники были разделены по основному содержанию новостей на «серьезные» (hard-news) и «развлекательные» (soft-news). Первые часто передают «новости, освещающие актуальные вопросы политики, публичные

мероприятия или социальные проблемы и противоречия, затрагивающие интересы аудитории», вторые – «новости, представляющие интерес для широкой публики и не затрагивающие политику» (перевод наш. – *Авт.*)⁶; для вторых в большей степени, чем для первых, характерны эмоциональные комментарии и вопросы, призывающие читателя к диалогу. В настоящей работе, ориентируясь на обе классификации, мы выделили три группы источников:

- 1) оппозиционные каналы – Мед, РСв и ВВС, по содержанию новостей скорее «серьезные», хотя Мед тяготеет к «развлекательным»;
- 2) федеральные «развлекательные» каналы – М24 и Лен;
- 3) федеральные каналы, среди которых можно выделить «серьезные» – RT, ВЗГ, Ц, 360 – и «полусерьезные», тяготеющие к «развлекательным» – МК, News и КП (отметим, впрочем, что эта граница довольно условна).

2.2. Статистика и интерпретация результатов

Предварительный анализ материала позволил нам предположить, что суммарная частотность контекстов речевого воздействия, о которых речь шла в предыдущем разделе, будет различаться по указанным группам источников. Для проверки были выбраны восемь наиболее частотных в нашем корпусе ВСН – *вероятно, видимо, возможно, кажется, наверное, похоже, может, может быть*. Результаты проверки приведены в табл. 1.

Как видно из таблицы, для некоторых новостных источников почти половина вхождений ВСН – это случаи речевого воздействия, а не просто указания на неуверенность автора. Так, канал 360 использует ВСН в интересующей нас функции в 45,2% случаев. Это демонстрирует существенный языковой сдвиг в семантике и прагматике ВСН в текстах сетевых информационных источников.

Подсчеты показывают, что в рассматриваемых контекстах чаще всего употребляются вводные слова *видимо* (49% примеров) и *наверное* (39,5%), реже всего – слова *вероятно* (19,7%) и *возможно* (19,6%). В ряде работ о ВСН отмечалось, что *видимо* и *наверное* вводят плохо верифицируемые суждения, ср. о слове *видимо*: «высказывание Р, будучи ментальным представлением, являет собой такой способ говорить о Z, который не поддается верификации» [Киселева, Пайар 2003, с. 62]; о слове *наверное*: «говорящий в наименьшей степени берет на себя ответственность за Р, так как сам допускает возможность не-Р» [Разлогова 1998, с. 311]. Тем самым максимальная частота для этих двух ВСН связана с тем, что они позволяют говорящему выдвинуть сколь угодно произвольную гипотезу Р относительно положения вещей Z, служащего предметом высказывания, что дает возможность использовать эти ВСН для речевого воздействия и для оформления оценки в эмоциональных текстах. Можно также с осторожностью предположить, что частотное различие между *видимо* и *наверное*, с одной стороны, и *вероятно* и *возможно* – с другой, связано со способностью первых оформлять мнение-оценку, а вторых – мнение-предположение (в терминологии работы [Зализняк 1991]).

⁶ Hard news/soft news content of the National Broadcast Networks. Paper presented at the Central States Communication Association Convention, Detroit MI, April, 1990. URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED342039.pdf> (дата обращения 23 дек. 2024).

Таблица 1

Корреляция между частотой употребления ВСН
и стилистическими особенностями СМИ⁷

	<i>кажется</i> (23,4%)	<i>похоже</i> (24,7%)	<i>видимо</i> (49%)	<i>вероятно</i> (19,7%)	<i>возможно</i> (19,6%)	<i>наверное</i> (39,5%)	<i>может быть</i> (31%)	<i>может</i> (23,1%)	СРЕД (27,7%)
360	35,7%	26,1%	81,5%	43,8%	40%	55,2%	47,1%	18,8%	45,2%
Ц	26,8%	18%	60,8%	23,8%	20%	40,6%	40%	22%	36,9%
РТ	32%	41,9%	39,1%	24,4%	23%	54,4%	30%	29,2%	33,8%
ВЗГ	25%	20%	46,3%	32,3%	36,5%	11,1%	26,3%	35,7%	31,7%
КП	32,4%	27,8%	53,2%	12,7%	9%	42,3%	16,7%	30,3%	25,8%
News	0%	–	46,2%	16,3%	20,7%	10%	62,5%	–	25%
МК	14%	26,8%	55%	14,7%	25%	30,8%	20%	33,3%	24,7%
Мед	35,5%	23,5%	28,6%	18%	14,1%	23,8%	12,5%	14,3%	19,9%
ВВС	66,7%	18,5%	30,3%	19%	14%	18,2%	22,2%	0%	19,2%
<i>М24</i>	13,6%	–	23,5%	10%	29,4%	–	–	–	18,2%
РСв	22,2%	11,1%	17,4%	15,5%	12,7%	47,4%	21,1%	0%	16,9%
<i>Лен</i>	10,3%	–	35%	4,3%	9,3%	33,3%	–	10%	14,5%

Таблица показывает существенный разброс между новостными источниками как по доле ВСН в функции речевого воздействия, так и по предпочтениям отдельных ВСН разными редакциями. Хотя редакционный стиль всех двенадцати СМИ допускает риторические фигуры с ВСН (нет ни одной строки, в которой все ячейки содержали бы 0%), в источниках группы 3 («развлекательных») ВСН в функции речевого воздействия, нацеленного на дискредитацию героев новостей, используются сравнительно редко (Лен занимает последнее место, М24 – третье с конца), а в источниках группы 1, напротив, часто. Из группы 1 наиболее привержены этому стилю «пророссийские» источники hard-news, занимающие первые места в таблице: 360, Ц, РТ и ВЗГ (45–32%), хотя многие другие государственные

⁷ Для каждого ВСН указана доля их употреблений в контекстах речевого воздействия от общего числа ВСН в данном источнике. Средняя доля по всем источникам приведена в скобках для каждого ВСН. Проверки в ячейках указывают на недостаточное количество данных (менее 8 примеров).

Источники упорядочены по убыванию среднего количества контекстов речевого воздействия, вводимых восемью ВСН. Группа 1 (оппозиционные каналы) выделена полужирным шрифтом; группа 2 (федеральные «развлекательные» каналы) – подчеркнутым курсивом, группа 3 (прочие федеральные каналы) не имеет шрифтового выделения.

Подробную версию таблицы, содержащую общее количество вхождений данного ВСН в данном источнике, а также количество вхождений данного ВСН в данном источнике в контекстах речевого воздействия, можно найти по следующей ссылке: <https://disk.yandex.ru/i/etSAEPvPhyCybQ>.

и частные российские источники расположены с отрывом ниже. Таким образом, нет оснований утверждать, что наиболее радикальными с точки зрения стиля и речевого воздействия являются именно оппозиционные СМИ: оппозиционные источники, как и развлекательные, находятся в нижней половине списка. Также таблица показывает, что у СМИ существуют различные предпочтения в использовании ВСН в контекстах манипуляции, например RT предпочитает слова *похоже* (41,9%) и *наверное* (54,4%), а МК – *видимо* (55%) и *может* (33,3%). Такое распределение может быть также связано с принятой в редакции стилистикой текстов или с индивидуальными привычками журналистов.

Заключение

Хотя вводные слова неуверенности обычно рассматриваются в лингвистике как маркеры денотативного статуса, как обозначение низкой достоверности знаний говорящего, анализ СМИ показывает, что в современном русском языке эти слова принимают на себя более сложные функции, связанные с семантикой и прагматикой. В области прагматики ВСН регулярно используются как указание на то, что суждение текста является суждением героя, т. е. эти слова действуют аналогично маркерам несобственно-прямой речи. При речевом воздействии эта функция вводных слов позволяет приписать антагонисту некорректные или неадекватные суждения или мотивы, тем самым дискредитируя его в глазах адресата. ВСН могут использоваться в целях манипуляции благодаря неопределенности субъекта суждения: автор маскирует речевое воздействие и делает его менее явным. В области семантики ВСН в противоположность своему основному значению указывают на полную уверенность говорящего, на высокую степень выраженности некоторого семантического признака. Механизм такого выбора противоположного значения обеспечивается участием ВСН в литоте, антифразе и иронии – в таких риторических фигурах, которые обеспечивают выбор значения, противоположного буквальному значению текста. Высокая частотность этого приема в разных СМИ (до 45% от всех употреблений) показывает, что использование ВСН в таких функциях связано со стилистикой СМИ. ВСН для речевого воздействия наиболее часто используются некоторыми развлекательными СМИ, которые, по-видимому, имитируют живой диалог с читателем и определенную игру точек зрения, а также публицистическими политическими СМИ, где манипулятивные приемы направлены на критику политических оппонентов, на дискредитацию героев политически значимых событий.

Семантические процессы, наблюдаемые в современных русских текстах с ВСН, являются примером изменения значения группы семантически близких слов. Так, использование отдельного ВСН в определенных типах риторических фигур приводит к изменению его значения, привнося противоположные смысловые компоненты и добавляя новые прагматические функции – например, обозначение намерений героя текста.

Благодарности

Работа С.И. Переверзевой в рамках данного исследования была выполнена при поддержке гранта РНФ № 22-18-00594 «Когнитивные модели идентификации и противодействия манипуляциям в медийном пространстве» <https://rscf.ru/project/22-18-00594/>.

Acknowledgments

The work of S.I. Pereverzeva has been supported by the Russian Scientific Foundation, project 22-18-00594.

Литература

- Грайс 1985 – *Грайс Г.П.* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 217–237.
- Зализняк 1991 – *Зализняк А.А.* *Считать и думать*: два вида мнения // Логический анализ языка: Культурные концепты. М.: Наука, 1991. С. 187–194.
- Киселева, Пайяр 2003 – *Киселева К., Пайяр Д.* Механизмы семантического варьирования на примере группы единиц с корнем *-вид-*: *видимо, по-видимому, видно* // Дискурсивные слова русского языка: контекстное варьирование и семантическое единство. М.: Азбуковник, 2003. С. 50–79.
- Котов 2021 – *Котов А.А.* Механизмы речевого воздействия. М.: РГГУ, 2021. 432 с.
- Котов, Переверзева 2024 – *Котов А.А., Переверзева С.И.* Автоматический анализ фреймов для оценки воздействия текста // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2 «Языкознание». 2024. Т. 23. № 3. С. 41–54.
- Переверзева и др. 2023 – *Переверзева С.И., Котов А.А., Жеребцова Я.А., Зинина А.А.* Вводные слова и выражения со значением (не)уверенности в Telegram-каналах СМИ // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2023. № 5. С. 153–185.
- Переверзева 2024а – *Переверзева С.И.* *Вероятно, чтобы vs возможно, потому что*: две когнитивно-речевые стратегии авторов новостных текстов // Десятая международная конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов. Пятигорск, 26–30 июня 2024 г.: В 2 ч. Ч. 2. Пятигорск: ПГУ, 2024. С. 316–317.
- Переверзева 2024б – *Переверзева С.И.* Вопросительные предложения с вводными словами неуверенности как инструмент речевого воздействия в текстах Telegram-каналов СМИ // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 12. С. 93–103.
- Поварнин 1990 – *Поварнин С.И.* Спор: О теории и практике спора // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 57–133.
- Разлогова 1998 – *Разлогова Е.Э.* Наверное, или Верю, вопреки... // Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / под ред. К. Киселевой, Д. Пайяра. М.: Метатекст, 1998. С. 309–316.
- Разлогова 2005 – *Разлогова Е.Э.* Стилистические фигуры в высказываниях с модальными словами // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2005. № 6. С. 123–138.
- Brown, Levinson 1987 – *Brown P., Levinson C.S.* Politeness. Some universals in language use. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 345 p.
- Kotov et al. 2018 – *Kotov A., Arinkin N., Filatov A., Zaidelman L., Zinina A.* Semantic comprehension system for F-2 emotional robot // Advances in Intelligent Systems and Computing. 2018. Vol. 636. P. 126–132.

Reference

- Brown, P. and Levinson, C.S. (1987), *Politeness. Some universals in language use*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Grice, H.P. (1985), “Logic and conversation”, in *Novoe v zarubezhnoi lingvistike, vyp. 16, Lingvisticheskaya pragmatika* [New in foreign linguistics, iss. 16, Linguistic pragmatics], Progress, Moscow, USSR, pp. 217–237.
- Kiseleva, K. and Paيار, D. (2003), “Mechanisms of semantic variation. The case of a group with the root *-vid-*: *vidimo, po-vidimomu, vidno*”, in *Diskursivnye slova russkogo yazyka: kontekstnoe var'irovanie i semanticheskoe edinstvo* [Discursive words of the Russian language. Contextual variation and semantic unity], Azbukovnik, Moscow, Russia, pp. 50–79.

- Kotov, A., Arinkin, N., Filatov, A., Zaidelman, L. and Zinina, A. (2018), "Semantic comprehension system for F-2 emotional robot", in *Advances in Intelligent Systems and Computing*, vol. 636, pp. 126–132.
- Kotov, A.A. and Pereverzeva, S.I. (2024), "Automatic frame analysis for the evaluation of text influence", *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, vol. 23, no. 3, pp. 41–54.
- Kotov, A.A. (2021), *Mekhanizmy rechevogo vozdeistviya* [Mechanisms of speech impact], RGGU, Moscow, Russia.
- Pereverzeva, S.I. (2024), "Questions with parentheses expressing uncertainty in the Telegram media channels. An instrument of manipulation", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 12, pp. 93–103.
- Pereverzeva, S.I. (2024), "Veroyatno, chtoby vs vozmozhno, potomu chto. Two cognitive speech strategies of the news writers", in *Desyataya mezhdunarodnaya konferentsiya po kognitivnoi nauke: Tezisy dokladov. Pyatigorsk, 26–30 iyunya 2024 g.* [Proceedings of the 10th International Conference on Cognitive Science, Pyatigorsk, 26–30 June 2024], part 2, PGU, Pyatigorsk, Russia, pp. 316–317.
- Pereverzeva, S.I., Kotov, A.A., Zherebtsova, Ya.A. and Zinina, A.A. (2023), "Parentheses expressing (un)certainly in the Telegram media channels. Word frequency", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 5, pp. 153–185.
- Povarnin, S.I. (1990), "Dispute. On the theory and practice of dispute", *Voprosy filosofii*, no. 3, pp. 57–133.
- Razlogova, E.E. (1998), "Probably, or I believe, despite...", in Kiseleva, K. and Paier, D., eds., *Diskursivnye slova russkogo yazyka: opyt kontekstno-semanticheskogo opisaniya* [Discursive words of the Russian language. An experience of contextual-semantic description], Metatekst, Moscow, Russia, pp. 309–316.
- Razlogova, E.E. (2005), "Stylistic figures in utterances with modal words", *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya*, no. 6, pp. 123–138.
- Zaliznyak, A.A. (1991), "Schitat' i dumat' (Counting and thinking). Two types of opinion", in *Logicheskii analiz yazyka. Kul'turnye kontsepty* [Logical analysis of language. Cultural concepts], Nauka, Moscow, Russia, pp. 187–194.

Информация об авторах

Светлана И. Переверзева, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; P_Sveta@hotmail.com

Артёмий А. Котов, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; Курчатовский институт, Москва, Россия; 123182, Россия, Москва, пл. Академика Курчатова, д. 1;

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия; 119034, Россия, Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1; kotov@harpia.ru

Information about the authors

Svetlana I. Pereverzeva, Cand. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; P_Sveta@hotmail.com

Artemii A. Kotov, Cand. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047;

Kurchatov Institute, Moscow, Russia; 1, Academic Kurchatov Sq., Moscow, Russia, 123182; Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 38, Ostozhenka St., Moscow, Russia, 119034; kotov@harpia.ru